

Евгений Иванович Замятин

Африка

Евгений Иванович Замятин

Африка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2827685

Аннотация

«Как всегда, на взморье – к пароходу – с берега побежали карбаса. Чего-нибудь да привез пароход: мучицы, сольцы, сахарку. На море бегали беляки, карбаса ходили вниз-вверх. Тарахтела лебедка, травила ящики вниз, на карбаса...»

Содержание

1	4
2	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Евгений Иванович Замятин

Африка

1

Как всегда, на взморье – к пароходу – с берега побежали карбаса. Чего-нибудь да привез пароход: мучицы, сольцы, сахарку.

На море бегали беяки, карбаса ходили вниз-вверх. Та-рахтела лебедка, травила ящики вниз, на карбаса.

– Все, что ли, а? – и уж хотели было поморы обратно вернуть, но тут вышло происшествие необычайное: с парохода по лесенке стали спускаться господа какие-то.

– Это... господам-то... куды же? – опешили карбаса.

– Но-о, глазами захопал! Не видишь, в Кереметь к вам? Принимай живей. Ерупи-итка!

Принимать пришлось Федору Волкову. Было их двое господ да одна девушка ихняя. И то разговаривают все по-нашему, по-нашему, а то примутся еще по-какому-то. Подивился Федор Волков.

– Вы, господа, сами-то родом откулева же будете?

А господа веселые. Переусмехнулись между собой, да и говорит, который бритый:

– Мы-то? – подмигнул, – из Африки мы.

– Из А-африки? Да неуж и по-нашему там говорят?

– Там, брат, на всех языках говорят...

А девушка ихняя засмеялась. Чему засмеялась – неведомо, а только – хорошо засмеялась и хорошо на Федора Волкова поглядела: на плечи его страшные; на голову-колгушку, по-ребячьи стриженную; на маленькие глазки нерпичьи.

Показал Федор Волков господам приезжим отводную квартиру: держал нынче квартиру Пимен, двоеданского начетчика племяш. Хорошая изба была, чистая.

Сел Федор Волков на камушке у ворот. В тишине сумерной было явственно слышно, как они там в избе разговаривали, то по-нашему, то по-своему опять. А потом заиграла девушка ихняя песню. Да такую какую-то, что у Федора инда в груди затеснило, вот какая грусть, а об чем – неведомо. И дивно было: девушка, будто, веселая, а этак поет?

Век бы ее слушал, да поздно уж: хочешь-не-хочешь, время – спать.

Ночь светлая, майская. По-настоящему не садилось солнце, а так только принагнется, по морю поплывет – и все море распишет золотыми выкружками, алыми закомаринами, лазоревыми лясами.

Не то во сне снилось Федору Волкову, не то впрямь это было: будто, опять пела девушка ихняя, а он, будто, встал, оделся и по улице пошел: поглядеть, где же это она поет-то ночью?

Идет мимо Ильдиного камня, а на камне белая гага спит

– не шелохнется, спит, – а глаза открыты, и все, белое, спит с глазами открытыми: улицы изб явственных глазу до сучка последнего; вода в лещинках меж камней; на камне – белая гага. И страшно ступить погромче: снимется белая гага, сохнется – улетит белая ночь, умолкнет девушка петь.

И опять – не то сон, не то явь, а только будто окно – темное, она – белая в окне-то и, будто, шепотом, шепотом так Федору Волкову:

– Они спать легли. А я не могу спать, – как же спать? А ты, милый, пришел, вот спасибо тебе...

И еще – будто из окна нагнулась, обхватила Федора Волкова голову – и к себе прижала. А руки у ней, и грудь у ней – так пахнули – только во сне так и может присниться.

Днем возил Федор Волков господ из Африки. На семгу ярус закидывали, лежали на ярусе два часа. И все глядел Федор на девушку ихнюю и глазами пытал: ночью – во сне ли она приснилась или...

К вечеру вернулся обратно пароход, стал на взморье и загудел. И опять Федору же вышло везти к пароходу гостей приезжих.

– Ну, Федор Волков, прощай. В Африку-то приезжай к нам... – и засмеялись все трое.

И взяло тут сомненье Федора Волкова: не потешаются ли они над ним с Африкой с этой? Мотнул стриженной колгушкой своей:

– А ну-ко-сь ей нету, Африки-то? Приедешь – ей нету?

а то бы я приехал бы... – и глядел на девушку, все пытал: приснилось ночью тогда – или...

– Нет, Федор Волков, вы им не верьте, они такие уж... Вы ко мне приезжайте. Уж там доехать – доедете, только выехать. Ну, я буду вас ждать.

Нагнулся в низком поклоне Федор Волков и показалось: от руки – тот самый, тот самый дух, который во сне...

И поверил в Африку Федор Волков.

– Ну, ин ладно, приеду. Мое слово – безоблыжное.

У Пимена, племяша двоеданского, собаки не жили: годок поживет какая – а там, глядишь, и сбежала, а то и подохла. И шел слушок: оттого у Пимена собаки не жили, что уж больно он был человек уедливый. Как ночь так Пимен к конуре к собачьей:

– Ты у меня, мерзавка, гляди, спать не смей. Даром, что ли, я тебя кормлю-то? Хлеба одного лопаешь в неделю на семь копеек...

И пойдет, пойдет вычитывать: где же тут вытерпеть – собака не вытерпит.

Мудрено ли, что, идучи ночью одной весенней мимо двоеданской избы, услышал Федор Волков чей-то жалобный хлип. Ближе подошел: окно открыто, то самое, и в окно – слезами облитая, горькая Яуста, старшая Пименова.

– Ты чего, Яуста, эка, а?

– Отец со свету сжил, заел, ни днем продыхнуть, ни ночью...

Да полно, Яуста ли это? У Яусты волосы – как рожь, а у этой – как вода морская, русальи, зеленые. Яуста – румяная, ражая, а эта – бледная с голубью, горькая. Или месяц весенний заневодил зелено-серебряной сетью ту, дневную?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.